

ПИОНЕР-ГЕРОЙ БОРЯ

1

Мне три года и целых три месяца. Живу я у бабушки, в Топорове¹, на Украине, где когда-то, давным-давно, родился. Когда все игры переиграны, все кроли и куры накормлены, а соседа Шурика увезли в Киев, между завтраком и обедом образуется слишком много свободного времени. «Машу и трех медведей» я уже знаю наизусть, а новую «Мою первую книжку» бабушка обещала принести в обед. Совершенно пора удрать и сходить на работу к дедушке.

Я хорошо знаю, где работает дедушка, — на кирпичном заводе. Кирпичный завод — это удивительное место, где печи пыхают жаром, грузчики носят тяжелые темно-коричневые бруски, которые после обжига станут оранжевыми кирпичами; там много машин, водители руками машут, ругаются, а еще там есть буфет, где самое вкусное на свете ситро, а еще там можно кататься на цепном транспортере: подпрыгиваешь, цепляешься руками за подвеску для сырых кирпичей — и поскрипывающий, лязгающий транспортер везет тебя под навесами галерей.

Главное — в печь не заехать от восторга.

Все взрослые пацаны, первоклассники и даже третьеклассники, когда надоедает купаться в заводском карьере, бегают кататься на транспортере. Я тоже мечтаю покататься, я бы даже мог пролезть в дырку в заборе, но пока еще не могу допрыгнуть даже до нижней подвески.

Но я совсем скоро подрасту.

Итак, чтобы пойти к дедушке на завод, надо удрать. Чтобы удрать, нужно, чтобы наш собака² Трезор не

загавкал — надо так пройти мимо будки, чтобы он не сбил с ног и не облизал от радости. У собак всегда слишком слюнявая радость. Потом все лицо бывает липкое и мокрое — от собачьей радости. Но у меня есть секретный секрет: пока бабушка ушла в магазин, если собаке скормить четыре драника со сметаной, то он пропустит. Наш Трезор за драники со сметаной душу продает.

Но только мне.

2

— Т'езор! Т'езор! На-на-на!

Как бы крепко ни дрых наша собака в будке, он всегда понимает, что «на-на-на» — это что-то особенно вкусенькое, поэтому, поскуливая от восторга и гремя цепью, кавказский кабыздох черной шерстяной ракетой вылетает мне навстречу — тут главное быть мужественным и смелым, как пионеры-герои, о которых мне бабушка читала.

— На, Т'езо'чик, на!

Пес скачет, скулит, слюну бросает, цепь гремит — на лету драники ловит, зубищи — во!

И пасть внутри черная.

Мне дедушка говорит, что, если у собаки черная пасть, значит, злой, лютый. Но я-то знаю, что драники помогают от злости. Когда съедаешь драник со сметаной, всегда в животе становится теплее. А пять если драников съесть, особенно с малосольным огурчиком, так вообще в животе доброта заводится. Последний, четвертый, драник летит к будке, Трезор прыгает, метет хвостом, я пробегаю мимо палисадника — тут надо быстро, по-партизански, по-пионергеройски быстро пройти калитку и, кажется, направо, отправляться в путешествие по улице Щорса.

Идти далеко.

Путь неблизкий — не помню сколько. Но мы, кажется, с дедушкой всегда так ходим к нему на работу. Вот забор бабушки Витебской. Сашка Витебский к бабушке ходит заниматься читать. У него не получается. Учительница в школе думает, что Сашка неспособный, а Сашка просто целыми днями на заводском карьере: у него с мая плечи шоколадные, а голова белая — так выгорают Сашкины волосы на солнце. Зато летом приходится заниматься — иначе во втором классе наставят двоек. Вот моя бабушка с ним и занимается. А он мне еще обещал жука-рогача поймать.

Надо будет на обратном пути зайти.

Если взять палку, то очень хорошо барабанить по забору деда Игната. «Тр-р-р!» — будто танк едет. У деда Игната глупая собачка Карлик — очень много и громко лает. А еще у деда Игната перед домом растет груша. Ее называют «Бэра».

Почему — не знаю. Но груши удивительно вкусные — Сашка их воровал в детстве, в прошлом году, и нас с Витькой угощал.

— Тл-л-л! Что, Ка'лик, лаешь? Лай-лай, не надо было б'осаться!

Дальше — хата Жорика Василенко. Дед Зиновий в районной библиотеке работает, наверное поэтому в доме у Василенков такие хорошие книги — мне Жорик уже показывал удивительные толстые книги. В них картинки разные — с луноходами и кораблями, парусами, пушками, там обо всем, такие книги! И каждый рисунок на особой вкладке, папиросной бумагой проложен. Но Жорик — задавака. Не люблю я с ним дружить. Только когда очень-очень скучно.

А вот большая-пребольшая шелковица. Я уже далеко зашел — не видно поворот, откуда вышел. Просто

наша улица, когда сам идешь, оказывается, длинная-предлинная. Мы сюда, к шелковице, ходим с бабушкой к колодцу — когда хочется напиться особой, вкусной воды, не из уличной колонки. Если подняться на лавочку возле колодца, то можно осторожно заглянуть вниз — в черную глубину. Там, в страшной темноте, тихо-тихо звенит ведро. А бабушка сзади держит за шортики. Это хорошо, что держит, хотя всегда говорю, что я уже большой.

А я и есть большой.

За шелковицей живет рыжий пионер Боря. Его в этом году приняли в пионеры, поэтому он даже летом ходит в галстук. Прямо на шею вяжет. Он рыжий, кожа белая, не загорает, в веснушках, и еще очки. Такие большие очки в роговой оправе, и поэтому Борька кажется грустным. Его мама Роза тоже работает в бабушкиной школе, а еще в музыкальной школе, в центре Топорова, поэтому у Борьки очень тяжелое детство.

Борька так Жорику и сказал: «Мое детство весом с пианино».

Дальше еще идти и идти, уже жарко, устал, можно посидеть на лавочке. Здесь я не помню, кажется тут врачи живут — мне бабушка говорила, а вот там, где куча высоких тополей, там уже слышно шум завода — мимо едут машины с красными кирпичами, пыльно, жарко.

Очень хочется пить.

Я останавливаюсь перед проходной — и теряюсь. В прямом смысле слова. Я ведь знал, как идти к бабушке, но куда идти дальше — не знаю. Как его искать — тоже. Лучше вернуться и дожидаться, пока бабушка принесет вкусную булку-плетенку. И молоко.

Только вот как идти назад?

Если оглянуться, то от завода идут три улицы. Оказывается, эти улицы совершенно одинаковые — они под углами расходятся. Одинаковые вишни, одинаковые черешни. Одинаковые огороды. Заборы везде разноцветные: голубые, белые, зеленые — какие краски в хозмаге купили хозяева. Крыши тоже синие, зеленые, красные, одинаково разные. Грузовые машины едут одна за одной, сигналият, у проходной много дядек, фуражки, потные, что-то говорят, ходят в проходную...

Если пойти по правой улице...

Иду-иду-иду — ни колодца, ни шелковицы. Нет, лучше вернуться. Долго возвращаюсь к заводу. Явно нужно идти по вот этой, по средней улице. Забор, забор, еще... Долго иду. Опять нет колодца. И на третьей улице — тоже. Явно обеденное время — это мне подсказывает живот. Оглядываюсь и вижу — далеко, у завода, шоферы идут в буфет. И еще там бегают какая-то черная фигурка. Как жук-жужелица лапками машет. Нет, решаю, что эту улицу нужно дойти до конца. Хотя и страшно полностью заблудиться.

Вдруг вижу знакомый галстук.

— Зд'австуйте, пионе' Бо'я!

(Я всегда был очень вежливым с пионерами.)

— Зд'австуй, — он поправляет очень грустные очки.

(Нам обоим совершенно не удастся очень сложная буква «Р», поэтому мы 'азгова'иваем без нее.)

— А вы — пионе'? Пионе' Бо'я?

— Да, пионе'.

— А вы пионе'-ге'ой?

— Ну не совсем ге'ой, но пионе'... — соглашается

Борька и поправляет очки. — А ты что тут делаешь?

— Я, наве'ное, поте'ялся. Вы не знаете, где я живу?

— Ты же внук Таисии Те'ентьевны? Я тебя видел в школе, на педсовете. Ты Г'иша?

— Г'иша, да. Меня бабушка бе'ет в школу, да.

— Кажется, я знаю, где вы живете. Давай 'уку.

Борина рука теплая, влажная. Нам жарко. Солнце висит высоко-высоко в синем-синем небе и печет макушки — мою белую и его рыжую. Я уже устал, но стараюсь хорошо идти, потому что не хочу опять теряться. Да и перед пионером неловко оказаться хлюпиком. Мы идем очень долго. Я не знаю, сколько нам еще идти. Оглядываюсь.

Далеко, у завода, мечется черная фигурка. Как жук. Лапками машет.

— Пить хочешь? Вот здесь мы живем. А вы — во-о-он там.

— Очень хочу. Ой! Это же наш колодец!

— Конечно. Мы же на нашей улице. А вон — твоя калитка. Тебя п'оводить?

— Нет! Пионе' Бо'я, не надо! Я не буду пить! Я побегу домой! Спасибо! Вы настоящий ге'ой!

— Пока, Г'иша!

Я изо всех сил жму его руку, бегу со всех ног, я уже вижу бабушку, бабушка почему-то очень бледная. Она что-то кричит, машет руками, я не слышу — проезжает машина, тяжело груженная кирпичами, — бабушка перебегает улицу, хватает меня, я прижимаюсь к ней, она гладит меня по голове.

— Сынок! Гришенька! Ты где же был?! Там дедушка чуть с ума не сошел — он у завода бегае...

— Бабушка, а я к дедушке ходил! Бабушка, я заблудился. Бабушка, а меня пионе' Бо'я нашел. Он ге'ой, он меня нашел и вы'учил. Как настоящие пионе'ы-ге'ои, да?! Бабушка, а почему ты плачешь?

— Это пот, сыночек. Пот глаза заливает. Жарко очень. Пошли домой, сынок. Я тебе плетенку купила, с маком, как ты любишь. Там молоко... А я сбегаю дедушке скажу, что ты нашелся, а то он там совсем...

4

Когда я стану совсем-совсем взрослым первоклассником, я приеду на лето к бабушке Тасе и дедушке Васе и буду часто бегать в гости к пионеру Боре.

И снова будет самое замечательное лето.

Борька опять удирает от своего пианино, и мы залезаем на шелковицу — я уже могу на нее залезать без его помощи: если зацепиться руками, а потом идти ногами по стволу, а потом зацепиться ногой, короче, у меня уже получается, — тогда мы сидим на шелковице, перемазываемся липким соком и болтаем обо всем. Он мне рассказывает о дедушке Яше-ДОСААФе, я рассказываю о дедушке Васе-моряке, а еще с шелковицы хорошо слышно, как бабушка Роза всей большой родне опять рассказывает, как ее внук когда-то спас меня. У них всегда очень большая родня, они дружные, собираются, шумят, музыка играет.

И все опять согласно переглядываются, кивают, улыбаются бабушке Розе и говорят: «Таки наш Боря — герой!»

КАРАМЕЛЬКА

Я все еще маленький.

К моей прабабушке Ульяне часто приходит подружка — по-другому, но тоже маленькая, очень ласковая горбунья. Я все время забываю, как ее зовут. Очень хорошо она ко мне относится, всегда по голове гладит,

всегда спрашивает, как у меня дела, говорит прабабушке, какой я уже большой, и всегда приговаривает, всегда приглашает:

— Гриша, а ну-ка загляни в мою сумочку, посмотри, что там для тебя. Бери-бери, Гриша. Хороший у тебя, Улечка, внучек.

Я, чуть не повизгивая от радости (а любой радуется, когда его любят, особенно когда тебе четыре года), бегу к сумочке горбуни, запускаю туда руку, шарю и всегда нахожу одну карамельку.

Очень вкусные карамельки у бабушки-горбуни. Добрые такие карамельки, мятные.

Очень они мне всегда нравятся.

Как-то раз, удивительно солнечным летним вечером, опять ласковая горбуня приходит к прабабушке Уле. Смотрит, оглядывается, выглядывает прабабушку в палисаднике, где со старой яблони яблоки медовые густо в траву падают, потом ищет за сараем, нет ли подружки на огороде, нет ли на низине, еще ждет, возвращается, присаживается на лавку напротив веранды и сумочку рядом на лавку ставит.

И тут я, радуясь и подпрыгивая от нетерпения, как выскочу из моей засады, где за доброй маленькой бабушкой подглядывал! Как подбегу из-за угла дома к лавочке! И быстро открываю ее сумочку, ожидая найти такую вкусную карамельку.

А старушка-горбуня вдруг поднимается, быстро, цепко берет меня за руку и держит, ждет, пока моя прабабушка из дома выйдет. А потом подтаскивает меня к крыльцу, показывает прабабушке Уле и строго так говорит своей подружке:

— Знаете, очень плохо приучать маленьких к воровству. Очень хороший урок, по-моему.